

# ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

21 Августа

№ 24

1908 года.

— ○ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ○ —

**„Ницшеанская мораль насилія и христіанское смиреніе въ ихъ отношеніи къ достоинству человѣческой личности“.**

*Продолженіе \*).*

## II.

Одинъ изъ критиковъ философіи Ницше такъ сказалъ о немъ: «Ницше одна изъ тѣхъ очень немногихъ загадочныхъ личностей въ исторіи, предъ которыми въ смущеніи и безъ любви останавливается судящій—«благословить его не смѣю и не могу его проклясть». <sup>1)</sup> Вотъ, намъ думается, тотъ принципъ, которымъ слѣдуетъ руководиться при оцѣнкѣ его фи-

\*) См. Епарх. Вѣд., № 23.

<sup>1)</sup> Герасимовъ. «Ницшеанство» с. 5,6.

лософіи. Мы, конечно, далеки от того, чтобы проклинать его, но и не склонны благословлять. Мы беремъ на себя болѣе скромную задачу: указать нѣкоторыя достоинства его мысли, которыя производятъ на читателя благопріятное впечатлѣніе, за что онъ многими превозносится и благословляется, и вмѣстѣ съ тѣмъ остановить вниманіе на слабыхъ мѣстахъ его философіи, которыя въ значительной степени обезцѣнивають то цѣнное, что онъ далъ намъ.

Ницше, будучи отъ природы надѣленъ необыкновенной энергіей, сильнымъ и страстнымъ темпераментомъ, желалъ видѣть и въ другихъ ту же самую энергію и силу воли. Дѣйствуя всегда прямолинейно, Ницше и отъ окружающихъ требовалъ прямоты, чуждой лицемѣрія. Идеалистъ, чуткій ко всему доброму и прекрасному, онъ въ правѣ былъ ожидать и въ людскихъ отношеніяхъ тѣ отображенія добра и красоты, которыми переполнена была его душа. «Онъ предъявлялъ слишкомъ высокія требованія къ средней человѣческой совѣсти; онъ ждалъ и искалъ въ жизни дѣйствительныхъ отблесковъ тѣхъ дивныхъ переживаній, о которыхъ такъ прекрасно говорить людское слово; подкупленный образами духовной красоты въ тѣхъ или иныхъ частныхъ явленіяхъ, онъ искалъ въ нихъ уже полного ея выраженія, мечтая, что только истинная внутренняя красота можетъ облекаться такою прекрасной внѣшностью не понимая, что прекрасное внѣшнее легко и безъ малѣйшей брезгливости окутываетъ дѣйствительный, пошлый и грязный ликъ души; очарованный чудными пѣснями въ честь истины, красоты, добра и правды, вѣря, какъ дитя, что уже одно то, что слышатся на землѣ такія слова, такіе звуки—порука величія человѣческой души, онъ ждалъ, что еще высшее послѣдуетъ за ними и въ самой уже жизни и то именно, что естественно казалось бы должно за ними слѣдовать, и не могъ не видѣть, что съ замирающими звуками пѣсни безслѣдно исчезаетъ

и чудное видѣніе царственной жизни духа». <sup>1)</sup> И дѣйствительно, жизнь большей части современнаго ему общества представляла печальную картину. Во всѣхъ ея сферахъ и проявленіяхъ Ницше подмѣтилъ много буржуазности, безволія, мелочности, однихъ только житейскихъ разчетовъ. Онъ оставливаетъ свое вниманіе на наукѣ, и вооружается противъ крайней ея специализаціи, которая дѣлаетъ людей, занимающихся ею, односторонними, убиваетъ энергію, изсушаетъ и дѣлаетъ холодною душевную жизнь. «Образованіе, вслѣдствіе колоссальнаго роста разнообразныхъ отраслей знанія, становится все менѣе и менѣе общимъ: оно получаетъ характеръ отрывочный; природы богатая и глубокія уже не находятъ себѣ подходящихъ воспитателей. Человѣкъ-дробь, односторонній наблюдатель съ высокомѣрными претензіями—вотъ современный культурный типъ». <sup>2)</sup> Современные ученые, по мнѣнію Ницше, похожи на тѣхъ людей, которыхъ видѣлъ Заратустра: «у одного нѣтъ глаза, у другого—уха, у третьяго—ноги; иные потеряли языкъ, носъ или голову. Но это далеко еще не худшее изъ того, что я видѣлъ у людей, говоритъ Заратустра Я вижу и видѣлъ нѣчто худшее и подчасъ до того ужасное, что не обо всемъ могу говорить и кое о чемъ я долженъ молчать; я видѣлъ людей, коимъ не достаетъ рѣшительно всего, но вмѣстѣ съ тѣмъ чего нибудь одного у нихъ слишкомъ много, на примѣръ, такихъ людей, которые суть только огромный глазъ, или огромная морда, огромное брюхо, вообщемъ, что нибудь огромное, такихъ я называю калѣками навыворотъ». <sup>3)</sup> «Они хорошіе часовые механизмы, только надо заводить ихъ во время, тогда они безъ обмана показываютъ время, и при этомъ скромно постукиваютъ. Они работаютъ подобно мельницамъ и ступкамъ, только надо подбрасывать

1) Герасимовъ. «Ницшеанство.» с. 12

2) Сумерки боговъ.

3) Такъ говоритъ Заратустра.

имъ зерно. Они прекрасно умѣютъ размалывать зерно на мельчайшія части и превращать его въ бѣлую пыль». <sup>1)</sup> Подобные люди не могутъ одухотворить жизни и влить въ нее идейное содержаніе. Нагляднымъ подтвержденіемъ этого служатъ тѣ интересы, которыми живетъ общество. «Индѣйская, свойственная индѣйской крови дикость, говоритъ Ницше, заключается въ американскомъ стремленіи къ Золоту: и ихъ поспѣшная, безъ передышки работа—главный порокъ новаго свѣта, начинается уже заражать своею дикостью старую Европу и распространять по ней замѣчательное отсутствіе духа. Теперь уже стыдятся покоя, долгое раздумье причиняетъ уже почти укоры совѣсти. Думаютъ съ часами въ рукахъ, завтракаютъ съ устремленными на биржевой листъ глазами, живутъ какъ человѣкъ постоянно «могущій опоздать».

Вотъ этотъ американизмъ, стремленіе къ золоту и наживѣ и опошляетъ общество, парализуетъ и даже совершенно убиваетъ тѣ лучшія стремленія и порывы, которые составляютъ неотъемлимую принадлежность души человѣка, сообщая ей особую красоту и привлекательность. Но люди все таки не хотятъ прямо безъ всякихъ прикрасъ показать себя такими, какіе они на самомъ дѣлѣ. Они стараются казаться и добрыми, и благочестивыми, стремящимися къ истинѣ, добру и красотѣ. Они стѣсняются своего духовнаго убожества и надѣваютъ на себя маску лицемѣрной добродѣтели. Другіе же доходятъ до такого нравственнаго огрубѣнія, что даже не сознаютъ пошлости своихъ «маленкихъ добродѣтелей». Въ такой средѣ высокія истины морали дѣлаются предметомъ механическаго исполненія. «Существуютъ такіе, говоритъ Заратустра, добродѣтель которыхъ называется корчей подъ кнутомъ. Есть и другіе, которые называютъ добродѣтелью лѣнливое состояніе ихъ порока. Существуютъ и другіе, которые давно уподоб-

---

<sup>1)</sup> Ibid

ляются обыкновеннымъ часамъ, которые, бывъ заведены, производятъ свое тикъ-такъ и хотятъ, чтобы тикъ-такъ называлось добродѣтелью, и опять таки существуютъ такіе, которые сидятъ въ своемъ болотѣ и такъ говорятъ изъ тростника: «добродѣтель—значить тихо сидѣть въ болотѣ. Мы никого не кусаемъ и уходимъ съ дороги того, кто хочетъ кусаться». И опять таки существуютъ такіе, которые любятъ тѣлодвиженіе, колѣна ихъ постоянно преклоняются, а руки ихъ постоянно восхваляютъ добродѣтель, но сердце ихъ нечего не знаетъ о томъ. И опять таки существуютъ такіе, которые считаютъ за добродѣтель, когда говорятъ: «Добродѣтель необходима», но въ сущности они вѣрятъ лишь въ то, что необходима полиція». <sup>1)</sup> Для такихъ добродѣтельныхъ не существуетъ «ни сильныхъ чувствъ, ни рѣшительныхъ стремленій, они даже боятся подумать о какомъ нибудь поступкѣ, выходящемъ изъ рамокъ ихъ житейской морали, и въ самой нравственности ищутъ для себя только хорошаго сна и добродѣтели цвѣтущей макомъ». <sup>2)</sup>

Порицая пороки и недостатки общества, бичуя его духовныя язвы, Ницше въ пылу увлеченія съ практической точкой зрѣнія перешелъ на теоретическую и осудилъ тѣ принципы, которые должны были лежать въ основѣ дѣятельности людей. Ницше выпустилъ изъ виду, что моральныя начала, опредѣляющія дѣйствія и поступки могутъ быть хороши, но худы люди, которые извращаютъ и искажаютъ ихъ. Въ этомъ смѣшеніи понятій роковая ошибка Ницше, въ немъ же и базисъ для критическаго разбора всей его философской системы.

Проповѣдь эгоизма, гордости, самопревозношенія умѣстна тамъ, гдѣ человѣкъ считаетъ себя самодовлѣющей, ни отъ кого независимой, личностью. Такъ Ницше и мыслить. Онъ

<sup>1)</sup> Такъ говоритъ Заратустра.

<sup>2)</sup> *ibid*

непримиримый врагъ какого бы то нибыло авторитета, онъ атеистъ. «Слыхалили вы, спрашиваетъ Ницше, о томъ безумномъ человѣкѣ, который въ свѣтлый полдень зажегъ фонарь, выбѣжалъ на рынокъ и непрестанно кричалъ; «Я ищу Бога, я ищу Бога»! Не пропалъ ли Онъ? Или Онъ сбѣжалъ какъ ребенокъ? Развѣ вы не слышите какъ шумятъ могильщики, роющіе могилу Богу? Или вы не ощущаете запахъ божественнаго тлѣнія? И боги тлѣютъ! Богъ умеръ, Богъ прибываетъ мертвымъ». <sup>1)</sup> Не смотря на смерть Бога, люди все, что происходитъ вокругъ нихъ, пытаются объяснить дѣйствіемъ несуществующаго божества. «Послѣ смерти Будды его послѣдователи въ теченіи ряда столѣтій показывали въ пещерѣ его тѣнь, огромную, страшную тѣнь. Богъ умеръ, но родъ людской таковъ что можетъ быть еще въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій просуществуютъ пещеры, гдѣ будетъ показываться Его тѣнь. А намъ — намъ предстоитъ еще побѣдить эту тѣнь». <sup>2)</sup> Если нѣтъ Бога, то нѣтъ и цѣлесообразности въ мірѣ. Все здѣсь хаотично. Процессъ міровой жизни безсмысленный, здѣсь нѣтъ никакихъ идеаловъ, никакихъ разумныхъ стремленій. Все здѣсь повторяется, все вѣчно возвращается къ тому состоянію, въ которомъ раньше было. «О, Заратустра, говорятъ ему звѣри, ты учитель вѣчнаго возвращенія. Мы знаемъ, чему ты учишь: именно, что вещи вѣчно возвращаются и мы сами съ ними. Я снова возвращусь съ этимъ солнцемъ, съ этой землею, съ этимъ орломъ, съ этой змѣей не къ новой, не къ лучшей и не къ подобной жизни: я вѣчно буду возвращать ся къ этой же самой жизни, какъ въ величайшемъ, такъ и въ самомъ маломъ, чтобы снова учить о вѣчномъ возвращеніи всѣхъ вещей». <sup>3)</sup> Изъ этой бессмыслицы жизни не исключенъ

---

<sup>1)</sup> Веселая наука.

<sup>2)</sup> Ibid

<sup>3)</sup> Такъ говоритъ Заратустра.

человѣкъ. «Въ чемъ наше ученіе, спрашиваетъ Ницше? Въ томъ, что никто не даетъ человѣку его свойствъ, ни общество, ни его родители и предки, ни онъ самъ себѣ. Никто не отвѣтственъ за то, чоо онъ вообще живетъ на свѣтѣ, что созданъ такъ или иначе, что находится въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстной обстановкѣ. Роковую судьбу его существа нельзя отдалить отъ роковой судьбы всего того, что было, и что будетъ. Онъ не есть слѣдствіе какого либо замысла, какой нибудь воли и цѣли, въ немъ мы не видимъ попытки достигъ «идеальнаго человѣка», или «идеальнаго счастья», или же «идеальной нравственности», было бы нелѣпо приурочить его существо къ какой нибудь цѣли. Мы сами выдумали понятіе о цѣли», въ дѣйствительности нѣтъ никакой цѣли. Мы необходимы, мы представляемъ собой что то роковое, принадлежимъ къ цѣлому, живемъ въ этомъ цѣломъ, нѣтъ ничего, что могло бы направлять наше бытіе, измѣрить его, сравнить, осудить». <sup>1)</sup> Разумъ, въ которомъ человѣкъ думаетъ видѣть свое превосходство надъ живодными, по Ницше, функція нашего тѣла. «Я—тѣло весь цѣликомъ, и ничего сверхъ этого, а душа есть только слово для нѣкотораго «нѣчто» въ тѣлѣ. Тѣло есть великій разумъ, множественность съ единствомъ ощущенія, орудіемъ твоего тѣла является и твой маленькій разумъ, братъ мой, который ты зовешь духомъ, «маленькое орудіе и игрушка твоего великаго разума». <sup>2)</sup> Если человѣкъ такое же животное, какъ и прочія существа, то онъ какъ таковой долженъ отличаться всѣми качествами животнаго. Таковы основанія, на которыхъ Ницше проповѣдуетъ культъ силы и моши.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*



<sup>1)</sup> Сумерки боговъ.

<sup>2)</sup> Такъ говорилъ Заратустра.